

*Оксова Екатерина Алексеевна,
студент магистратуры
3 курс, факультет «Юридический»
САФУ им. В.М. Ломоносова
Россия, г. Архангельск*

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА
ЗАКОННОСТЬЮ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И
ОБВИНЯЕМОГО НА СВОБОДУ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
ЛИЧНОСТИ**

***Аннотация.** Рассмотрены такие проблемы как: обязанность суда изучать оценку уголовно-правовой квалификации преступления, проведённую следователем (дознавателем); отсутствие конкретизации исключительных случаев при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления средней тяжести; проблемы продления меры пресечения.*

***Ключевые слова:** домашний арест, заключение под стражу, залог, судебный контроль, меры пресечения, ходатайство.*

***Annotation.** The following problems are considered: the obligation of the court to study the assessment of the criminal legal qualification of a crime carried out by an investigator (inquirer); the lack of specification of exceptional cases when choosing a preventive measure in the form of detention in relation to a minor suspected (accused) of committing a crime of medium gravity; the problems of extending the preventive measure.*

***Key words:** house arrest, detention, bail, judicial control, preventive measures, petition.*

Одно из важнейших неотъемлемых прав личности, соблюдение которого и законность ограничения которого являются предметом судебного контроля, - это право на свободу и личную неприкосновенность. Судебный контроль за соблюдением данного права предполагает возможность его ограничения только на основании решения суда.

Судебный контроль за законностью ограничения прав подозреваемого и обвиняемого на свободу и неприкосновенность личности – это важнейшее направление судебного контроля, в соответствии с которым судом осуществляется проверка законности и обоснованности применения следователем (дознавателем) мер пресечения в отношении обвиняемых (подозреваемых).

Как зафиксировано в ст. 29 УПК РФ лишь четыре меры пресечения (запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу), наиболее существенно ограничивающие свободы личности, избираются судом по ходатайству следователя (дознавателя).

В соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ «правом возбуждения перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обладают следователь с согласия прокурора; руководитель следственного органа, его заместитель (если уголовное дело находится в их производстве либо они являются руководителями следственной группы); дознаватель с согласия прокурора; начальник подразделения дознания или его заместитель (если уголовное дело находится в их производстве с согласия прокурора), правом ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста обладают те же лица и если отсутствует согласие вышеуказанных лиц, то судья выносит постановление о возвращении ходатайства без рассмотрения» [1].

Далее судом производится рассмотрение данного ходатайства. И при его рассмотрении осуществляется проверка обоснованности подозрения лица в совершении преступления, содержание ходатайства и приобщенного материала, наличие определенных сведений, указывающих на причастность

лица к совершенному преступлению, наличие оснований избрания мер пресечения, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Вместе с тем на этом этапе возникает очень важная проблема правоприменительного свойства, а именно: «Должен ли суд изучать оценку уголовно-правовой квалификации преступления, проведенную следователем (дознавателем), ведь ни УПК РФ, ни Пленум ВС РФ не обязывают суд проверять квалификацию преступления, данную органами предварительного расследования при избрании меры пресечения?».

В доктрине в целом отмечается, что что: «ни УПК РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ прямо не обязывают суд проверять квалификацию преступления, данную органами предварительного расследования при избрании меры пресечения...» [4, с. 34].

Такой же точке зрения вторит и Ф.Н. Багаутдинов: «При рассмотрении ходатайств об аресте обвиняемых судьи, как правило, не входят в оценку и обсуждение квалификации действий обвиняемого, а воспринимают квалификацию как правильную, хотя это не всегда соответствует действительности» [5, с. 66]. Далее Ф.Н. Багаутдинов справедливо задается вопросом о том, «почему судья, рассматривая ходатайство следователя о заключении обвиняемого под стражу и видя явное завышение квалификации действий обвиняемого, должен «узаконить» это незаконное решение следователя?» [5, с. 66].

Да и в правоприменительной практике достаточно случаев, когда следователем (дознавателем) были неправильно квалифицированы действия подозреваемого (обвиняемого) и в результате этого суд удовлетворяет ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

С позиции законодательной логики всё же можно признать, что суд не вправе подменять органы расследования и соответственно выходить за рамки собственных «судебных» полномочий.

Вместе с тем на наш взгляд было бы нелишне если бы Пленум ВС РФ мог бы отразить в своем постановлении рекомендации судам, ориентирующие их при избрании меры пресечения на правовую оценку правильности уголовно-правовой квалификации деяния, данной органами предварительного расследования, исходя из представленных суду материалов, в целях избежания избрания не соответствующей квалифицируемому деянию меры пресечения.

В ч. 2 ст. 108 УПК РФ указано, что в исключительных случаях мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления средней тяжести, но при этом не конкретизируется, какие обстоятельства относятся к исключительным случаям.

В правоприменительной практике указывается, что: «суду надлежит учитывать положения ч. 6 ст. 88 Уголовного кодекса РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления средней тяжести впервые» [2].

Следует отметить, что в судебной практике отменялись постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетнего в связи с отсутствием исключительных обстоятельств.

Полагаем целесообразным закрепить в УПК РФ, а в постановлении Пленума ВС РФ разъяснить исключительные основания применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления средней тяжести в целях единой практики применения норм УПК РФ. К исключительным основаниям может относиться продолжение несовершеннолетним противоправного поведения, выраженное в любых формах: занятие бродяжничеством, злоупотребление спиртными напитками, употребление наркотиков, отсутствие определенного рода занятий, а также утрата контроля за ним со стороны законных представителей несовершеннолетнего - родителей, опекуна или попечителя.

Стоит отметить, что существует и проблемы в части продления меры пресечения. В качестве примера можно привести Апелляционное постановление ВС Удмуртской Республики от 29.09.2015 по делу N 22-2846. Постановлением Первомайского районного суда города Ижевска в отношении подозреваемой была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 2 месяца. Обжалуемым постановлением мера пресечения оставлена без изменения и срок содержания под стражей продлен до 6 месяцев. При этом, согласно материалам дела, на момент избрания меры пресечения подозреваемая обвинялась в преступлении средней тяжести, а из копии обвинительного заключения и обжалуемого постановления следует, что ее действия переквалифицированы по другому виду преступления, которое относится к категории небольшой тяжести. Вместе с тем судом не дана оценка переквалификации действий и изменению степени тяжести преступления, добровольному возмещению ущерба и рассмотрению дела в особом порядке. Таким образом, при вынесении решения о продлении срока содержания под стражей судом первой инстанции допущено грубое нарушение требований уголовно-процессуального законодательства [3].

Ф.Н. Багаутдинов указывает, что «при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, при продлении срока ареста в тех случаях, когда у суда возникают сомнения, вопросы по существу ходатайства следователя, то по требованию судьи должны предоставляться все материалы уголовного дела» [5, с. 66]. Нельзя не согласиться с данным мнением. Полагаем, что при предоставлении суду всех материалов уголовного дела судье будет легче дать правильную уголовно-правовую оценку совершенному деянию (по крайней мере на момент рассмотрения вопроса о мере пресечения), а также избрать либо продлить соответствующую меру пресечения.

Полагаем, что в каждом случае продления меры пресечения, в том числе заключения под стражу и домашнего ареста, судья должен внимательно изучить, какие основания были положены в ходатайство о продлении меры

пресечения, а также проверить, что было сделано следователем за истекший период. Соответственно, судья должен проверить количество допрошенных лиц, проведенных экспертиз, иных следственных действий и пр. Необоснованно длительное нахождение лиц под самыми строгими мерами пресечения не только ущемляет их в правах (при этом надо иметь в виду, что лицо еще не признано виновным по приговору суда), но и влечет увеличение количества жалоб, поступающих как в вышестоящие, так и в международные судебные инстанции.

Закон разрешает суду при отказе в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу применить альтернативные, менее строгие меры пресечения в виде домашнего ареста или залога (ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ), а при отказе в применении домашнего ареста - избрать залог (ч. 5 ст. 107 УПК РФ). Хотя такое правомочие не совсем вписывается в состязательную конструкцию судопроизводства, оно оправданно с позиции как публичных, так и частных интересов, т.к., с одной стороны, позволяет своевременно пресечь и (или) предупредить неправомерное поведение обвиняемого (подозреваемого) без необходимости повторного обращения следователя или дознавателя в суд с ходатайством о применении менее строгой меры пресечения по основаниям, уже проверенным и подтвержденным в судебном заседании, и тем самым обеспечить беспрепятственное осуществление уголовного судопроизводства, с другой стороны, оградить личность от избыточной репрессии.

В п. 3 Постановления N 41 от 19.12.2013 Пленум Верховного Суда РФ еще раз разъяснил судам: «хотя это очевидно следует из системного анализа норм ст. 97 - 108 УПК РФ, что если основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, отсутствуют, то судом вместо заключения под стражу не могут быть избраны и иные меры пресечения» [2].

Судьям можно предложить следующий алгоритм действий, которого целесообразно придерживаться при выборе меры пресечения, особенно при переходе от строгой к более мягкой мере пресечения: 1) установить наличие

минимум одного из предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований применения меры пресечения; 2) оценить уровень угрозы для беспрепятственного производства по делу, степень риска совершения обвиняемым (подозреваемым) противоправных действий, на предупреждение которых нацелены меры пресечения, т.е. вероятность (большая, средняя, незначительная и т.п.) наступления этих негативных последствий; 3) выбрать эффективную меру пресечения, соответствующую уровню угрозы и обеспечивающую баланс публичных и частных интересов; 4) проверить соблюдение условий и дополнительных оснований, предусмотренных для конкретной меры пресечения; 5) при отсутствии таких условий и дополнительных оснований - остановиться на другой доступной, но более мягкой мере пресечения.

В рассмотрении судом таких ходатайств, согласно п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, участвует прокурор. И такие решения: «об избрании указанных мер пресечения не могут приниматься судом без учета мнения прокурора» [6, с. 47], [10, с. 6], [11, с. 137].

Однако насколько обязательным должно быть мнение прокурора для суда? Возможно ли принятие судом решения о применении меры пресечения при отказе прокурора поддержать ходатайство следователя?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, какая из возложенных УПК РФ на прокурора функций (уголовного преследования или надзора за процессуальной деятельностью органа предварительного расследования) является для него определяющей при его участии в судебном контроле деятельности на стадии предварительного расследования. Обязан ли прокурор, как представитель стороны обвинения, поддерживать ходатайство следователя? Либо прокурор в судебном заседании при рассмотрении и разрешении ходатайств органа расследования выступает как лицо, осуществляющее надзор за законностью деятельности последнего, и поэтому

вправе не поддержать заявленное ходатайство, заявить о его незаконности и необоснованности?

Согласно положениям ч. 6 ст. 108 УПК РФ после объявления судьей того, какое ходатайство рассматривается, прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его. Исходя из этих законодательных положений некоторые авторы делают вывод о том, что «при рассмотрении судом ходатайств органа расследования о применении к обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения прокурор определенно позиционируется законодателем как представитель стороны обвинения» [7, с. 34]. Однако полагаем, что это является лишь еще одним подтверждением несовершенства действующего уголовно-процессуального законодательства, низкой законодательной техники УПК РФ и отчасти свидетельством того, что у законодателя отсутствует четкая позиция относительно роли, выполняемой прокурором на досудебных стадиях процесса, относительно того, каков должен быть статус представителя органа, надзирающего за законностью деятельности следователя (дознавателя).

Мнение прокурора по ходатайству следователя о заключении под стражу или о продлении срока содержания под стражей «не обязательно должно быть продиктовано обвинительной доминантой, не обязательно должно совпадать с мнением органа предварительного расследования» [9, с. 120], в силу того, что, участвуя в судебно-контрольной деятельности, прокурор прежде всего осуществляет функцию надзора - основную для него в досудебном производстве. Ученые и практики, разделяющие данную точку зрения, предлагают наделить прокурора, участвующего в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения, правом отзывать данное ходатайство с рассмотрения суда либо заявлять о прекращении рассмотрения ходатайства. И это мнение «должно быть определяющим для суда, который в таком случае должен прекратить производство по заявленному ходатайству» [8, с. 42], [12, с. 23].

Однако практике известны далеко не единичные случаи, когда судьи удовлетворяли подобные ходатайства вопреки позиции прокурора, который давал заключение о том, что оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу нет.

Полагаем, что прокурор должен иметь реальную возможность влиять на процесс избрания судьей меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, и залога.

Данная ситуация, по сути, является аналогичной той, которая складывается в судебном разбирательстве, когда суд прекращает производство по делу в случае отказа прокурора от обвинения.

Если прокурор, как лицо, обеспечивающее законность досудебного производства, заявляет о том, что ходатайство органа расследования является незаконным или необоснованным, это должно означать то, что в удовлетворении данного ходатайства должно быть отказано либо что данное ходатайство должно быть снято с рассмотрения.

Использованные источники:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. - N 2.
3. Апелляционное постановление ВС Удмуртской Республики от 29.09.2015 по делу N 22-2846 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» [Дата обращения: 18.09.2021].

4. Азаренок Н.В., Давлетова А.А. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? // Российский судья. - 2017. - N 1. - С. 33 - 37.
5. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Российская юстиция. - 2017. - N 8. - С. 65 - 67.
6. Васильев А.М., Васильева Н.А. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. - 2014. - N 5. - С. 46 – 48.
7. Колоколов Н.А. Глава 52 УПК РФ: новое в законе // Уголовный процесс. - 2007. - N 6. - С. 30 - 37.
8. Конярова Ж.К. Реализация дискреционных полномочий прокурора при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по ходатайству следователя // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2008. - N 3 (84). - С. 41 – 43.
9. Манова Н.С. Роль и полномочия прокурора при осуществлении судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. - 2018. - Т.28. - Вып. 1. - С. 119 – 126.
10. Сидорова И.В., Томчак А.Ю. О полномочиях прокурора по применению заключения под стражу в досудебном уголовном процессе // Российский следователь. - 2015. - N 9. - С. 5 - 9.
11. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015. – 318 с.
12. Щерба С., Попова А. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. - 2016. - N 1. - С. 22 – 26.